

«Хотя многие авторы уделяли достаточно большое внимание вопросу о перцептивных имплицативных функциях рефлексивного сознания, но тем не менее ими было уделено недостаточно большое внимание некоторым аспектам данной проблемы, и хотя некоторым сторонам данной проблемы было уделено достаточно внимания...» Тьфу, что за ахинею я несу!

Дипломник факультета психологии Андрей Званцев грубо смял лист бумаги и швырнул его на пол.

В свое время он писал, и писал неплохо. Друзья были в восторге от его рассказиков, родители умилялись, а люди более авторитетные высказывались осторожно, но положительно, и, во всяком случае, все хвалили его стиль! Изящный, емкий, лаконичный и образный — вот минимум эпитетов, произносимых по адресу этого стиля всяким, прочитавшим хотя бы пару Андреевых страниц. Когда-то Андрей колебался между литературой и психологией, и вот через пять лет он не может написать по-человечески простой диплом! Безобразие!

— Нет, так нельзя, — бормотал он, то подсаживаясь к столу, то вновь вскакивая, — это просто чудовищно, как мы пишем... Прямо хоть вводи обязательную дисциплину «Язык и стилистика научной публикации»...

Впрочем, чтобы хорошо писать, одних лекций и практикумов мало, нужно еще и способности иметь... Но у него-то они как раз были!

— Значит, мне и карты в руки! — заключил Андрей.

Через день после блестяще прошедшей защиты Андрею позвонили:

— Андрей Петрович? — произнес девичий голос.

— Д-да... — не сразу догадавшись, что обращаются именно к нему, ответил Андрей.

— Я по поручению бюро комсомола четвертого курса, — продолжала девушка, — у нас к вам большая просьба. Вы бы не могли прочесть нам ваш диплом? Мы очень просим... Всем курсом...

— Мой диплом? — и брови Андрея взметнулись вверх.

— Да-да... В любое удобное для вас время... Мы понимаем, вы очень заняты, но, может...

Андрей как раз ничем не был занят, впереди имелся целый свободный месяц, но он успел придать голосу выражение солидной неуверенности:

— Право, не знаю... Впрочем, в конце недели, возможно, удастся что-нибудь придумать...

Через неделю после того, как четверокурсники наградили Андрея бурными аплодисментами, он получил от профкома факульте-

Кое-что о стилистике

Рисунок Н. Кошкина.

та приглашение прочитать свой диплом вторично. Желающих послушать собралось столько, что огромная пятьдесят первая аудитория, рассчитанная на полторы сотни человек, не смогла бы вместить и половины собравшихся. Пришлось срочно созваниваться с соседним факультетом журналистики и просить актывый зал.

Пришли не только студенты и преподаватели психфака, но и толпы их друзей, знакомых, просто случайных людей, что-то прослышавших, наконец, остатки свободного пространства были заполнены заинтригованными журфаковцами.

Дочитав последнюю фразу, Андрей почувствовал, что задыхается в наступившей тишине.

«Шчас засвистят...» — пронеслось в голове, и вдруг...

Это был апофеоз! — как воскликнул бы Андроников. Зал буквально взорвался — не просто аплодисментами, нет! Тут был и многоголосый рев, и крики восторга, и ликующий свист!..

Несколько человек в разных концах зала вскочили на столы и заплясали на них, в упоении размахивая руками. Столы трещали. Старейший преподаватель филологии и стилистики, за последние тридцать пять лет не выставивший ни одной пятерки, — пролезился.

В тот же вечер к Андрею пришел доцент с его кафедры, Борис Викторович Вельский. Обычно чопорный и неприступный, восходящее светило в свои тридцать два года, на сей раз он аж подрагивал от еле сдерживаемого возбуждения, и даже лысина его светилась как-то по-особому.

— Привет, Андрюша! — слишком громко, с несвойственным ему панибратством начал он с порога. — К тебе можно, ты не занят?

— При... Здравствуйте, Борис Викторович, — ответил начинающий уже привыкать к своему положению Андрей. — Проходите, — и пригласил доцента в свою комнату. В комнате находилась красивая, модно одетая девушка, которую Андрей тут же представил Вельскому:

— Знакомьтесь, Борис Викторович, это Валя, моя... невеста.

— Очень рад! — весело воскликнул Борис Викторович. — Вельский! — И крепко пожал расслабленную Валину ладошку. — Слышали о таком?

Валя о таком слышала. Даже слишком много, считала она. Но давно, несколько дней назад. А сейчас, услышав это «невеста», она не только не оскорбилась, как непременно

случилось бы все те же несколько дней назад, но даже — страшно признаться — была польщена!

Андрей, конечно, почувствовал это и, совсем уже освоившись с ролью героя дня, твердо повернулся к Вельскому:

— Ну-с, чем могу служить?

— Видишь ли, Андрейка, — чуть ли не залезбил Вельский, — дело строго конфиденциальное... — он покосился на Валу. — Вы уж простите нас, Валуша...

— Валечка, — обратился к ней Андрей, — приготовь, пожалуйста, чаю.

— Слушай, старик, — все в том же фальшивом тоне продолжил Вельский, — тебя куда распределили?

Вельский отлично знал, куда Андрея распределили, но Андрей все же ответил:

— На машиностроительный завод. Консультантом по технической эстетике. Оклад — 80 рэ.

— Но это ведь совсем не по твоей специальности! — великолепно изумился Вельский. — С твоей головой тебе прямая дорога в аспирантуру. Будешь заниматься у меня, согласен?

Андрей сделал жест, долженствующий означать: «Спрашиваешь!»

— Ну, и прекрасно! — возликовал Вельский. — Мы с тобой, брат, такого наворотим! Только вот... — и он понизил голос, — в сентябре защита у меня... Докторскую защищаю. Только вот, брат, стилистика, стилистика...

Так успешно диссертации не защищались уже давно. Официальный оппонент в своем выступлении сказал: «Наряду с прочими бесспорными достоинствами предложенной работы особо хочу отметить оригинальный и, я бы даже сказал, изящный, емкий, лаконичный и образный стиль изложения...»

На банкете по поводу защиты захмелевший Борис Викторович вновь растерял всю свою чопорность, лез к Андрею целоваться и беспрестанно рекомендовал его всем присутствующим как «талантливейшего молодого человека и незаменимого литературного редактора». Масгитые профессора жали Андрею руку, чокались с ним и заглядывали в глаза.

А когда он ополаскивал лицо в роскошном туалете «Метрополя», то чуть не ткнулся головой в широкую грудь огромного человека с седой гривой, Александра Николаевича Быкова, академика, одного из столпов отечественной психологии.

— Простите, профессор... — смущенно из-

винился Андрей, но академик ласково смотрел на него и улыбался:

— Андрей... э-э...

— Андрей Петрович, — быстро подсказал Андрей.

— Вот что, Андрей Петрович, — заговорил Быков, заговорщически озираясь вокруг, — там, знаете ли, неудобно, дело частное...

— Ну, конечно, — быстро согласился Андрей.

— Ага, так вы согласны? — обрадовался профессор. — Ну и чудненько. Завтра, значит, и пришлю... — и он повернулся к выходу.

— Что пришлете, профессор? — осмелился Андрей осведомиться ему вслед.

— А разве я не сказал? — спросил Александр Николаевич, оборачиваясь. — Тыfty, конечно, не сказал... Да, годы, годы... Где уж тут за стилем уследить!

— Так значит... — догадался Андрей.

— Ну конечно, — широко улыбнулся профессор.

— Вам тоже... диссертацию? — спросил Андрей, и тут же выругал себя: «Осел!»

Но Александр Николаевич оговорку воспринял по-своему:

— Да вы, дорогой, шутник? — с добрым смешком сказал он. — Хотя, конечно, талант, литератор... Да... Диссертации мне уже не писать... — и академик вздохнул. — Доклад, доклад у меня. Я, видите ли, в Базель еду, а потом в Брюссель. На международную конференцию. Так вы уж того... А то как-то, знаете, неудобно...

Через месяц Валя была в гостях у Андрея, и они смотрели вместе телевизор. Шла программа «Время». Донеся до заинтересованной зрительской массы вести с полей, Нонна Бодрова перешла к сообщениям из-за рубежа.

— Вчера в Базеле, — сказала она, — на очередном заседании проходящей здесь Всемирной конференции психологов с докладом выступил известный советский ученый, доктор психологических наук, действительный член Академии наук СССР Александр Николаевич Быков...

Лицо Бодровой исчезло с экрана, а вместо него появились кадры телерепортажа, да такие, что Андреево зрительное восприятие подавило все остальные виды его психической деятельности: во внушительных размерах зале бесновалась толпа. Потом показали счастливо-растерянное лицо профессора Быкова. Его несли на руках. Камера

съехала вбок, затем вверх. Под потолок взлетали подбрасываемые головные уборы, трости, зонты. Пролетел академик, которого качали.

Нонна Бодрова тем временем перечисляла почетные титулы и звания, которыми вчера же, сходу был награжден Быков. Затем кадры кинохроники псыякли, лицо Бодровой вновь овладело экраном, и в Андреево сознание опять прорвался ее звучный голос:

— Как сообщает агентство Франс Пресс, сегодня известный швейцарский психолог Жан Бурже обратился к автору нашумевшего бестселлера «Дни и мошки», лауреату Гонкуровской премии 1975 года, писателю Полю Вуалю с предложением о литературной обработке его фундаментального труда «Эпистемологические аспекты исследования реципрокных функций». Поль Вуалю, по сообщению того же агентства, обещал дать ответ в конце недели, после консультации со своим литературным агентом. Сумма предложенного гонорара неизвестна.

И Бодрова перешла к очередным сообщениям, а в это время раздался телефонный звонок.

Андрей снял трубку, некоторое время молча слушал, потом недоуменно повернулся к Вале, зажав микрофон ладонью:

— Тут какой-то псих, — сказал он, — доктор биологических наук Буревич... Предлагает триста рублей за обработку его монографии... Послать его на фиг?

— Дай сюда! — стремительно кинулась к нему Валя и отняла трубку: — Алло, — сказала она, — доктор Буревич? С вами говорит литературный агент Андрея Петровича Званцева. Изложите ваше дело... Андрей Петрович сейчас очень занят. К тому же предлагаемые вами условия несерьезны... Пятсот? Хорошо, позвоните на той неделе, в четверг, после четырех. Посмотрим, что можно будет сделать... Всего хорошего.

Началось стремительное слияние литературы и науки. У Андрея появились последователи, но работы хватало всем.

Вслед за психологией и биологией процесс литературизации научных публикаций проник и в другие науки, сперва гуманитарные, а затем и в технические.

Тиражи специальных научных изданий головокружительно росли, еще более головокружительно падали тиражи журналов литературных — писатели уходили в науку.

Немалое число диссертаций «резалось» за «недостаточно литературно-художественное мироощущение». Диссертанты хватались за голову и бежали записываться в очередь к Званцеву либо к его коллегам, в зависимости от литературных пристрастий ученых советов своих научных учреждений.

Издательство «Русский язык» в порядке эксперимента приступило к выпуску много-томного французско-русского словаря на двадцать тысяч слов в виде энциклопедического романа под названием «Сага о глаголах».

Из естественных наук первой пала химия. Одержимый белой завистью к литературе и верой в свой вид искусства, живописец Платон Коврижкин нанес первый удар, выставив в зале на Кузнецком мосту тетраптих «Гомологические ряды при щелочно-кислых реакциях». И — прорвало!

Поповская борода Платона Коврижкина замелькала со страниц периодических изданий и экранов кинохроники. Автору монографии, кандидату химических наук В. Гулейко досрочно была присуждена докторская степень. Отвечая на вопросы иностранных корреспондентов, Платон Коврижкин заявил: «А ваши, абстракционисты, даже курсовую не сможете».

Корреспонденты одобрительно усмехались. Химические НИИ для годового отчета складчину абонировали Центральный выставочный зал (бывший Манеж), а когда выяснилось, что площадей его стендов совершенно не хватает, то и Пушкинский музей вместе с Третьяковкой.

Ленинградские химики подбирались к Эрмитажу.

Очередь физики подошла, когда знаменитый итальянский кинорежиссер Доменико Пьямбини снял метражную ленту «Жизнь нейтрино». Роль нейтрино исполняла Моника Витти, роль пи-мезона — Джан-Мария Волонте.

Переворот в физике и кинопромышленности был столь же полным, сколь и стремительным. Несколько голливудских продюсеров, не сумевших разобраться в Единой теории поля, покончили с собой.

«Ученые записки» Физического отделения АН СССР объединились с журналом «Советский экран». Литературно-художественные журналы срочно последовали этому примеру, объединившись с прочими «Записками» и «Вестниками».

Разгоралась дискуссия: «Роль Пьямбини в научно-техническом прогрессе». Желая внести в вопрос ясность, Пьямбини выпустил одноактную пьесу «Что такое неореализм?»

Пьеса аншлагом прошла по сценам крупнейших театров мира.

Наконец не устояла и «королева наук» — математика.

Молодой композитор Сергей Ланской, имевший, кроме консерваторского, еще и мехматовский диплом, выступил в зале имени Чайковского с симфонией «Новое введение в теорию функций комплексного переменного».

Не обошлось без происшествия. Во время исполнения первой части Аллегро = $\frac{\infty}{n} \psi(n) + \epsilon i$ сидевший в третьем ряду партера профессор математики Холмов не выдержал и воскликнул:

— Неверно! Данное уравнение вовсе не следует из предыдущего!

Но Сергей Ланской остался невозмутим. Он еще энергичнее взмахнул дирижерской палочкой, грянули литавры, и профессор Холмов, подавленно пробормотав: «Действительно, верно... Ах, я, старый дурак!..», полез за валидолом.

В Литературном институте сперва было открыто отделение научной беллетристики, затем институт преобразовали в «Институт научной литературы имени Горького—Лобачевского». За Литературным потянулись и остальные вузы.

На скамейках бульваров студентки млели над томичками стихов «Гистология клетки».

Сменный инженер ТЭЦ № 3 Кочетков Николай Сидорович, работавший над расширением по улучшению режима работы турбины, третий месяц не мог получить в библиотеке необходимый ему «Справочник по металловедению». Написанный бойкими братьями-детективами, «Справочник» шел нарасхват. На библиотечных полках пылились одни неходовые «Три мушкетера» да Сименон.

Отчаявшись, Николай Сидорович пытался выудить необходимые сведения из своей памяти, но в голове вертелись только звонкие куски оратории «Сопrotивление материалов».

Меломан Федя Плюшкин, возвращаясь из Большого театра, где они с женой смотрели балет по астрофизике «Вспышка Сверхновой», говорил:

— Ты обратила внимание, Лялечка, какое у Павловой было восхитительное туше в момент жесткого гамма-излучения?

Валентина и Андрей Званцевы ехали в своем автомобиле провести уик-энд на Селигере. Ориентируясь по записанному на портативный японский магнитофон «Атласу автомобильных дорог», Андрей уверенно вел машину и одновременно пересказывал жене содержание найденной утром в почтовом ящике юмористической «Памятки о пользовании газовой колонкой».

Валя рассеянно слушала, любясь пейзажами. Когда Андрей дошел до слов: «И взрывом в воздух, как Христос, ты будешь вознесен», машина вдруг заскрежетала и резко остановилась.

— Что там еще? — недовольно спросила Валя. Она чуть не стукнулась носом в щиток.

— Черт его знает! — ответил Андрей, вытирая с рассеченной губы кровь, и полез из машины.

Поверхностный осмотр ничего не дал. Экспедция под дно также мало прибавила к пониманию причин аварии.

— Будем куковать, — сказал Андрей, отряхивая брюки, но тут, на счастье, оказался самосвал, и после недолгих переговоров водитель его согласился отбуксировать пострадавших к неподалеку расположенной станции техобслуживания.

Андрею пришлось стучать и звать, пока наконец не открылось в стене окошечко и в нем не возник человек в промасленной кепке.

— Что привело тебя сюда, достойный муж, и вас, прекраснейшая дама? — осветился он.

— Вот... — неуверенно махнул рукой Андрей в сторону машины. — Поломка.

— То вижу я и сам, но в чем ее причины?

— Откуда же мне знать? — ответил в тон Андрей.

— Узнать недолго нам, оформи лишь заказ, — продолжил ремонтер, — писать ты как предпочитаешь, в прозе? Или в стихах?

— В прозе, — уверенно ответил Андрей.

— Вот и хорошо, — обрадовался мастер. — Держи! — и он протянул Андрею бланк следующей формы:

«Поломка автомобиля»

Рассказ, новелла (ненужное зачеркнуть) Экспозиция (опишите, по какой дороге и куда вы ехали, дайте описание местности, перескажите сопутствующие обстоятельства, ваше настроение, желательное сообщить несколько лирических подробностей из биографии вашей и ваших спутников)

Заявка (подробно опишите момент аварии)

Кульминация (опишите ваше отчаянное положение, невозможность продолжать путь без ремонта, выразите готовность не остаться в долгу)

Развязка (заполняется производителем ремонтных работ; следует указать вид ремонта и его стоимость по прейскуранту)

Заключение (выразите благодарность за своевременное и качественно проведенный ремонт)

Примечание: по желанию заказчика рассказ может быть расширен, для чего потребуйте дополнительные листки, но не более двух.

Благодарим за посещение.

Андрей недолго повертел бланк в руках, затем вытащил авторучку и мгновенно его заполнил, после чего протянул мастеру со снисходительной улыбкой. Тот принял бланк и стал внимательно его читать, а затем перечитывать.

— Так, сказал он наконец, — недурно... По третьей категории. Срок исполнения заказа — две недели.

— Как?! — в один голос воскликнули Андрей и Валя.

— А вот так! — сказал мастер. — Средне написано, гражданин. Посредственно, одним словом. А сроки исполнения заказов зависят в первую очередь от литературно-художественного уровня заказчика!

— Что за чушь, — возмутился Андрей, — у вас ведь тут совсем пусто!

— Ну и что же? — парировал ремонтер. — А через полчаса сюда, может, Лев Толстой придет или даже сам Андрей Званцев, так что же, прикажете им из-за вас дожидаться? Сознание надо иметь! А у нас инструкция. Так что приходите через две недели... — Но!..

— Не хулиганьте, гражданин, не мешайте работать, — повысил голос ремонтер и закричал: — Следующий!

И так как никакого следующего вокруг не было, он стал закрывать окошечко.

Андрей как стал, так и стоял с открытым ртом, пораженный этой неслыханной инструкцией, но Валя не собиралась сдаваться:

— Слушайте, вы!! — страшным голосом заговорила она. — Но ведь это и есть Андрей Званцев! Андрюша, покажи ему паспорт!

Совсем было захлопнувший окошечко мастер приостановился и, с любопытством посмотрев на Андрея, сказал:

— Паспорт мне, гражданка, ни к чему. Единственным документом, удостоверяющим личность писателя, являются его произведения. И тем более стыдно так писать, если вы действительно Званцев. Всего хорошего! — и он вновь потянулся к окошечку.

— Да подождите же! — бросилась к нему Валя, не давая захлопнуть окошечко. — А кто вам дал право определять, хорошо или нехорошо пишет мой муж?

— Не вы первая спрашиваете, гражданка, — ухмыльнулся ремонтер, — право мне государственная квалификационная комиссия дала. Извольте взглянуть, — он указал пальцем вверх. Последовав за пальцем взором, Валя увидела висящую над окошечком рамочку, в которой за стеклом находился диплом:

«Техник-литературовед 1-й категории А. С. Захаров».

— Вот так, — добил ее мастер, — могу я ямбов от хореев, как вы не бейтесь, отличить...